

УДК 141.78:305

Юлія Решетнёва
(г. Днепр)

ЗНАНИЕ И ГЕНДЕР В ТРАНСФОРМАЦИЯХ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Посмодерністський дискурс, дозволяючи переглянути традиційне розуміння розуму, пізнання і науки, стверджує: загальна споживча залежність постсучасного суспільства формує як нові підходи до процесу пізнання, так і новий тип суб'єкта пізнання: «людина, що споживає знання» приходить на зміну «людині яка пізнає». Вивчення того «що людина знає» як вона пізнає те, що вона знає, актуалізує необхідність переходу від узагальнюючого опису соціальних практик до аналізу структур і способів взаємодії гендерної асиметрії взаємодії знання в фундаментальних соціокультурних змінах постмодерну.

Ключові слова: постмодернізм, знання, гендер, консюмеризм, «жінка яка пізнає», ідеологія, влада.

На всем своем протяжении история философии демонстрирует, как известно, попытки понять и описать рациональность. Однако несмотря на обширнейший философский канон, посвященный концепту разума, отношение и «ratio» остается весьма сложным [1]. Сегодня, в начале XXI века, философы пишут о том, что идеал рациональности мертв, и полемика по этому поводу – это «полемика по Разуму» [2]. Следует отметить: хотя атаки на разум исходят из разных научных источников, феминистские научные круги играют далеко не последнюю роль в практических нападках на рациональность. Признавая ключевое значение рациональности для феминистской философии, многие исследователи гендера представляют концепт разума как причину, и результат всепроникающего философского антропоцентризма [3]. В то же время философы-постмодернисты, далеко не всегда разделяющие феминистские взгляды, также пишут о том, что рациональность связана с нарративами доминирования, угнетения, патриархата и тоталитаризма (М. Фуко, Ж.Ф. Лиотар, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ж. Деррида и др.)

Мы живем в эпоху глубоких и стремительных перемен, преобразующих незыблемые, казалось бы, устои общественной жизни и привычные парадигмы теоретического мышления. Данный переход, утверждают исследователи, повлек за собой глубокие изменения во всех сферах человеческой жизни. Это новое состояние с большим трудом поддается описанию в терминах «информационное общество», «сетевое общество», «глобализация», «постмодерн». Одни исследователи называют наше время эпохой гипермодернизма, другие – позднего капитализма, но все, как правило, согласны с тем, что самой характерной чертой нашего времени является консьюмеризм. Ученые отмечают, что современный консьюмеризм не касается теперь просто удовлетворения потребностей – даже наиболее возвышенных, не является также набором таких потребностей, но «желанием», которое имеет в качестве постоянного объекта самое себя, а потому обречено оставаться ненасытным [1, с. 83]. Как утверждают ученые, постмодернистское общество нацелено преимущественно на потребительские способности своих членов. И эта особенность очень существенна. В потребительском обществе всеобщая потребительская зависимость – это обязательное условие всей индивидуальной свободы, главным образом, свободы «отличаться», свободы «иметь» свою идентичность, и необходимо отметить, что это «условие» касается прежде всего женщин, на которых в первую очередь нацелены «посылы» консьюмеризма.

Масштабные и интенсивные преобразования касаются теперь не только сферы экономики, политики и культуры. Иной становится практика образования и мышления. Еще Ф. Бэкон писал, что знание само по себе есть сила. В истории человечества насилие, богатство и знание всегда были наиболее значимыми атрибутами власти, но сегодня знание перекрывает достоинства других властных импульсов и источников. Именно знание используется в наши дни для приумножения богатства и силы. Важно также то, что в наше время «постсовременности» знание действует предельно эффективно, будучи предельно прагматичным, всегда направленным на достижение цели [2].

Историк и философ постмодерна М. Фуко, напрямую связывая проблемы власти и легитимизации, исследовал власть с неожиданной точки зрения познания. Фуко первоначально назвал свое исследование знания «археологией» эпистем, давшей нам в

итоге «эпистемологию», термин, который является едва ли не самым популярным в исследованиях различных гуманитарных теорий конца XX в. [3]. Как известно, в 80-х годах Фуко перешел от «археологии» знания к его «генеалогии», к тому, что он определил дихотомией «власть/знание», фокусируя свое внимание на «микрофизике», показывая, как власть и знание фундаментально зависят друг от друга, утверждая, что расширение одного элемента одновременно приводит к расширению другого. Подобно Фуко, исследуя «постсовременность», Ж.-Ф. Лиотар также обращается к анализу дискурса власти, утверждая, что научные системы, своды законов, философские концепции, великие произведения литературы модерна, по сути, являются универсальными метанарративами («grand narratives»), неизбежно тоталитарными и ведущими к ужасным последствиям для человечества (две мировые войны в XX в. – яркое тому подтверждение). В своей знаменитой книге «Состояние постмодерна» в качестве важнейшего признака постмодернизма Лиотар называет недоверие к метанарративам, и главным среди них, по мнению Лиотара, является метанарратив Просвещения [4]. Лиотар утверждает, что модернистский взгляд на науку – это «спекулятивное единство всего знания», цель немецкой философии романтизма, получившей свое завершение в идеалистической метафизике Г. В. Ф. Гегеля. Эта мечта, воплощением которой является университет Нового времени со всеми его «факультетами» (своего рода «отделами» мозга) и его интеллектуалами-специалистами, непригодна для реализации в наше время, потому что изменилась сама природа знания. Новая природа знания означает, прежде всего, киберпространство информационной обработки, которая «просчитывает» знание в соответствии с компьютерной логикой. Знание, таким образом, становится постиндустриальной силой производства. Новым является также совершенно иной тип «человека познающего». Ученые пишут: старый принцип, утверждающий, что приобретение знаний неотделимо от тренировки ума, становится устаревшим и будет устаревать еще более. Отношение поставщиков и пользователей знания к знанию, которое они поставляют и используют, приобретает форму отношений производителей товаров и их потребителей, то есть форму стоимости. Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным; оно потребляется, и будет потребляться для установления цены в новом производстве, и в обоих случаях,

целью является товарный обмен. Знание перестает быть «конечным», оно теряет свою пользу как «ценность». Неизбежный переход от «человека познающего» к «человеку, потребляющему знание» является краеугольным камнем постсовременности. Именно это историческое изменение легитимизирует постмодернизм, доказывают исследователи [5, с. 106-107].

Человек, «потребляющий знание», не ученый, исследователь или учитель, а именно «потребитель» становится главной особенностью нашей академической жизни. Не претендуя на научную строгость, можно сказать, что для современного человека высшее образование, статус выпускника престижного университета далеко не так важны, как это было еще полвека назад. XX век (впрочем, и XIX в.) расставил перед человеком множество соблазнов. Как полагают многие теоретики, самый опасный из соблазнов, подстерегающих человека, – это обольщение наукой. В конце XX в. мода на рациональное, скорее даже математизированное мышление, царившая в первой половине XX века, пришла в упадок, уступая место постмодернистскому познавательному интересу, выдвинувшему на первый план «текущее» (З. Бауман), невозможное, непредсказуемое, аномальное (И. Пригожин и др.).

Философские, социальные теории, с одной стороны, расшатывают традиционное сознание Нового времени, но, с другой, – вновь апеллируют к разуму, внушая, что твердыни, установленные классиками, требуют переосмысления. В то же время мы понимаем, что трансформация современного общества в общество знания – это объективный процесс, означающий принципиально новый этап развития общественных отношений. Исследование отношений между социальной деятельностью людей, включенных в различные структуры общества, и той социальной реальностью, которая является результатом этой деятельности, есть, на наш взгляд, основная задача современных наук о человеке, философии и социологии прежде всего.

Исследователи гендера, защищая рациональность пишут, что приоритеты ученого – это всегда объективность, нормативность и истина; все они имеют своим основанием рациональность, и все феминистские проекты нуждаются в ней, если они нацелены на успех [6]. В то же время бесспорно, что ориентированная на рациональность и недооценивающая политическую силу эмоций, в целом, и «желания», в частном, реалистическая рациональная по-

зиция отвергает многие проекты феминизма в силу их «противоречивой» природы, не укладывающейся в каноны традиционных философских воззрений.

Бесспорно, получение знаний является приоритетной задачей любого общества в любой культуре. Исследование методов и механизмов трансформации нашего общества в общество знания в новых условиях глобальных изменений не представляется сегодня возможным без привлечения сферы экономических и социальных наук. Возможно, поэтому актуальной становится в наши дни относительно новая дисциплина – социология знания. В сфере интересов этой предметной области – социально-политическое обеспечение знания, влияние информационных технологий на общество, условия и механизмы перехода к техно-научным комплексам, рынок знания и его регулирование, рынок рабочей силы и рынок образования, социальная обусловленность знания и конструирование социальной реальности в условиях глобализации и т.д.

Печально, но с «необходимостью» следует констатировать: над фундаментальной наукой, несмотря на ее высочайшие достижения, сейчас нависла угроза превращения в служанку рынка. С другой стороны, для современной науки, действительно, важно решить проблему развития научных школ, постоянного притока молодежи, оптимизации кадрового состава высшей школы. Известно, что происходящие в больших социальных системах изменения многообразны, и контролировать все переменные этих процессов невозможно. В то же время очевидно: «точка невозврата» к прежней системе образования, приобретения знаний в модусе старой высшей школы уже пройдена, не учитывать новые реалии постмодерного общества потребления было бы, по крайней мере, легкомысленно, столь же легкомысленно есть игнорирование тех фундаментальных гендерных изменений на рынке труда, которые произошли в конце XX в. и продолжают иметь место.

Следует также вспомнить, что, по Марксу, за распространение идеологии в значительной степени ответственен правящий класс. Говоря словами Маркса, идеология, господствующая в обществе, есть идеология господствующего в нем класса. Следует заметить, что ученые определяют идеологов как один из типов интеллектуалов, стоящих на службе у власти: идеологи поставляют основополагающие принципы и вырабатывают проекты связанных с ними действий. Сегодня идеология пронизывает средства массовой ин-

формации и интернет, учебники и учебные планы, научные проекты и исследовательские программы. Вездесущие призывы идеологии действуют на нас куда сильнее, чем мы полагаем, предупреждают ученые. Идеологическая составляющая современного «человека познающего», возможно, не так «громогласна», как она была лет 30 тому назад. Но во всех тех «пустяках», которые мы читаем и видим, содержится зачастую весьма предвзятое представление о том, каков должен быть человек, каким должно быть познание. Культура пост-модерна, потребительская, по определению теоретиков, побуждает «брать, не задумываясь, и бросать, не печалься» (З. Бауман). Наше время, эпоха информационных технологий отдаёт предпочтение не накоплению знаний, а их «поток», интеллект оценивается не способностью «долго помнить», а умением «быстро забывать».

В такой культуре нет места вечным ценностям. С другой стороны, то смещение в балансе знания, которое произошло в конце XX в., наглядно демонстрирует, что человеку интереснее всего сам человек, который и в третьем тысячелетии новой эры является привилегированным «материалом» в исследованиях философов, историков науки, антропологов, психологов, педагогов, культурологов.

Исследуя вопросы теории познания, современные ученые-феминисты уделяют главное внимание проблемам ценностей, утверждающих положительную ценность опыта женщин. Исследователи гендера доказывают: для философа-феминиста важна конкретная точка зрения конкретного человека, поскольку пока не будет учитываться многообразие женских «голосов», феминистская философия по-прежнему будет трактоваться так, как будто бы она не связана с научными проблемами современности. Поэтому столь важна для феминистской критики проблема конфронтации с Логосом андроцентричной культуры, которая рассматривается исследователями в русле рефлексии об особой интуитивно бессознательной природе женского осмысления мира, своего специфического бытия и деятельности в нем.

Необходимо еще раз подчеркнуть мысль, высказанную выше: размышления вне какой-либо системы ценностей, вне идеологии – это утопия, знание не может быть «незаинтересованным». Несомненно, продуктивная политическая теория (в том числе и феминизм) должна быть рациональной, но, с другой стороны, критически настроенный мыслитель не может быть абсолютно свободен от «утопического духа», критики феминизма, сомневаясь в его

способности создать продуктивную теорию, зачастую задают вопрос – являются ли феминистски рациональными теоретиками или создателями утопических проектов. Действительно, некоторые феминистские проекты не просто характеризуются как утопические, но и используют эту характеристику как определенный политический ресурс (например, Э. Сиксу). И здесь ученые феминисты подчеркивают: любая позитивная программа неизбежно несет в себе элемент утопического мышления, жесткое противопоставление утопической и рациональной критики некорректно.

Исследователи гендера приходят к выводу, что «женщина познающая» со своим опытом, отличным от опыта мужчин, ставит несколько иные вопросы, использует иные методы и получает иные ответы [10]. Философская мысль, утверждающая необходимость критической рефлексии над спецификой опыта индивида, не может быть нейтральной, поскольку «нейтральный» и «универсальный» означает «мужской».

Именно поэтому такое большое значение приобретает сегодня роль ученых, делающих «ставку» на разум и рациональность, не отрицая естественность, эмоциональность, признавая ту установку сознания, которая не нацелена на идеал рационального мышления.

Литература:

1. Власова Т. И. Гендер и феминистская теория в философии постмодерна / Т. И. Власова, Э. К. Скиба. – Днепропетровск : издательство Маковецкий, 2011. – 124 с.
2. Bernstein R. Philosophical Profiles: Essays in Pragmatic Mode / R. Bernstein. – University of Pennsylvania Press, 1985. – 313p.
3. Бем С. Л. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Л. Бем. – М. : РОССПЭН, 2004. – 336 с.
4. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 669 с.
6. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», Университетская книга, 2004. – 416 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб., 1998. – 159 с.
8. Appignanesi R. Introducing Postmodernism / R. Appignanesi, C. Garrat. – London : Icon Ltd., 2007. – 189 p.
9. Heikes D. Rationality and Feminist Philosophy / D. Heikes. – N.Y. : Continuum, 2010. – 192 p.

10. Lloyd T. The man of Reason: «male» and «female» in Western Philosophy / T. Lloyd. – London : Routledge, 1993. – 168 p.

Julia Reshetnova

**KNOWLEDGE AND GENDER IN TRANSFORMATIONS
OF SOCIETY OF CONSUMPTION**

The total consumer dependence of the postmodern society forms both new approaches to knowledge and the production of a completely new type of knower. The latter is connected with the transformations in the knowledge itself. Postmodernists claim that now knowledge is a post industrial force of production. The relationship of the suppliers and users of knowledge, the knowledge they supply and use is now tending to assume the form already taken by the relationship of commodity producers and consumers to the commodity they produce and consume. If F. Bacon wrote in the 17th century that knowledge itself is power, in the 20th century M. Foucault tackles power from the angle of knowledge as system of thoughts that control the society being socially legitimated. There is no history, – declares M. Foucault, followed by J.-F. Liotard who announced that «history» is a grand narrative of the Western traditional philosophy and culture. This is the real historic change which is the cornerstone of postmodernity. Moreover this shift has given a new shape to the relationship between the social activity of the scientists and the social reality in which this activity takes place. Gender studies, postmodern feminism claim that women have been expelled from the history that all the cultural representatives of women being «exterior» images, are, in fact, «male histories», men's narratives. Gender researchers are sure that modern science cannot be legitimate because of the question: who and what makes it legitimate? Any rational attempt to transform the world without the adequate representation of women is only one more false interpretation. In the scientific activities, as elsewhere, of paramount importance is ideology: reflections, concepts and ideas being beyond ideology is Utopia. Knowledge is claimed to be always «involved» in all social transformations. Hence the significance of the role of scientists, both men and women, in the postmodern society, the scientists, whose choice is reason, who are trying to awake from the «Sleep of Reason» without that «pride» of nationalism that caused great calamities in the history of mankind.

Key words: postmodernism, knowledge, gender, consumerism, «cognizing woman», ideology, power.